

УДК 821.161.1'38-1(045)

Л.И. Донецких, Ф.Р. Газизулина

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЁВА «ЧУЖОЙ КОСТЮМ ШИРОКИМ БЫЛ В ПЛЕЧАХ...»

В статье поставлена задача рассмотреть ключевой для творчества А. Башлачёва словообраз «путь» в стихотворении «Чужой костюм широким был в плечах...». Тема жизненного Пути в произведении органически связана с темой Творчества. Концепция лирического героя-поэта у автора оказывается глубоко трагической, но небезнадёжной. Перипетии этого пути с самого начала и до «последней сигареты», «Последнего проклятья», «Последней Шутки», «Последней Боли» получили ёмкое языковое отражение в тексте на лексическом, тропическом и синтаксическом уровнях. Композиционные построения стихотворения органически поддерживают его смысловую ауру и усиливают эмоционально-оценочное звучание.

Ключевые слова: рок-поэзия, Поэт, жизненный путь, творчество, символичность словообразов, частотные стилистические приёмы, композиционная мотивированность языковых средств.

Александр Николаевич Башлачёв большинству известен скорее как рок-музыкант, но за свою стремительно-короткую жизнь он успел написать больше сотни стихотворений. Сейчас его признали как одного из ярчайших поэтов XX века, но он всё так же остаётся малоизвестным. Так ли это важно? Как он сам писал: «Ведь совсем не важно, от чего помрёшь. Ведь куда важнее, для чего родился» [1. С. 1]. А родился он для того, чтобы быть Поэтом.

Не могут не привлекать ранние стихи – они уже раскрывают его жизнепонимание. Таков текст, выбранный для толкования «Чужой костюм широким был в плечах...».

Чужой костюм широким был в плечах,
Но я его по глупости примерил.
И столько сам себе наобещал,
Что сам себе действительно поверил.
Порою мне карманы грели грудь.
Я находил тяжёлые монеты.
Казалось мне – счастливым будет путь
От первой до последней сигареты.
Теперь мне нечем заплатить по векселям
И рыться по карманам бесполезно...
Казалась – нет числа моим рублям,
Осталась только мелочь для проезда.
Скажите же, на сколько быстрых лет
Хватает пятаков, хотел бы знать я?
Скажите, сколько стоит мой билет
До станции Последнего проклятья?
В моём вагоне – божеский тариф!
Седой кондуктор в ватной телогрейке
За парочку довольно сносных рифм
С меня взимает ровно две копейки.
Я еду, не жалея, не скорбя
Я знаю – через год иль через сутки
Смеюсь, однажды, высажу себя
На станции Моей Последней Шутки.
Нисколько не жалея, не скорбя...
Так мчись, вагончик мой, неси меня!
Я буду петь, не ведая печали.
Покуда медяки ещё звенят –
Мне кажется – я всё ещё в начале.

Так лей сполна и радость и беду!
И не жалеи ни сахара, ни соли
И, захмелев, я спрыгну на ходу
На станции Моей Последней Боли.

1982 (Приводится по рукописи)

В тексте все образы символичны. Обнажают ли они мироощущение героя? Кто главное действующее лицо стихотворения? Автор, поэт. Убеждают в этом местоимения (личные, притяжательные, возвратные), пронизывающие вертикально всё содержание: «я», «мне», «моим», «моём», «себя», «меня», «моей», «сам себе».

Первейший мотив данного текста – мотив пути (реализованный словообразами: «путь», «проезда», «билет», «станции», «вагоне», «кондуктор», «еду», «мчюсь», «вагончик», «неси», «на ходу»). За всеми этими конкретными реалиями сокрыт символический образ и тема данного стихотворения – жизненный путь человека. Метонимический образ вагончика – и есть жизнь, дорога, судьба, ведущая героя. Различные глаголы движения делают образ этого пути объёмным: не просто «еду», а «мчюсь», «неси» – с выраженной коннотацией скоротечности, быстроты, и в этом же ряду я «высажу себя», я «спрыгну» (на ходу) – глаголы в первом лице, которыми герой утверждает свою позицию, свой собственный выбор. Автор прозаически ясно осознаёт, что за любой путь надо платить, а градацией образов от «тяжёлых монет» до «копеек» и «медяков» он выражает оценочное отношение к номинации платёжных средств: рубли – как нейтральная оценка, векселя – как наивысшее по ценности (уже недоступное герою: «Нечем заплатить по векселям»), далее снижение до наименее ценного – двух копеек, медяков (которых пока герой не лишен, они доступны ему, они «ещё звенят» и приравнены «парочке довольно сносных рифм»). Вот только со временем выбранная дорога перестала окупаться: «Рыться по карманам бесполезно...». Оттого и образы градуированы от наиценнейших к наименее ценным – это связано с движением времени и истощением пути, не подошедшим герою.

Движение времени, его конечность подчёркиваются указаниями: «от первой до последней сигареты» (заданность временного предела), до станции «Последнего проклятья», «Последней Шутки», «Последней Боли». Повтор эпитета «последний» не случаен: в нём содержится авторская оценка этого пути, оценка явно пессимистичная. Как и в словообразе «мчаться», выражающем быстрое течение времени, или как в символе «билет», указывающим место и время назначения. А строки: «Покуда медяки ещё звенят – // Мне кажется – я всё ещё в начале» – в финале текста – образуют композиционное кольцо, вновь отсылая нас к изначальному выбору, который сделал для себя герой. Именно он и является судьбоносным.

Правильно ли герой выбрал «сам себе» свой путь? Вспомним: «Чужой костюм широким был в плечах...». Он осознаёт, что выбрал себе «костюм» не по плечу. И костюм этот «чужой», «широкий в плечах» – герой пошёл чужой дорогой, хотя «костюм» он не надел, а лишь «примерил». Глагол выражает незаконченное действие, нерезультативное. Однако автор уточняет в повторе, что он *сам* его примерил по глупости, хотя он был широк в плечах, *сам* себе наобещал, *сам* себе действительно поверил. И здесь очевидна оценка, которую даёт он своим действиям: она негативна, что можно видеть в лексемах «по глупости» или «действительно», а также в словообразовательной конструкции глагола «наобещал» (приставка «на-...» наделяет его отрицательной семантикой).

«Порою карманы грели грудь», «находил тяжёлые монеты», – пишет автор, но таким ли приятным был для героя этот чужой путь? Нет, ведь билет его «до станции Последнего проклятья». Всё хорошее в прошлом: не случайно использование прошедшего времени (примерил, наобещал, поверил, грели, находил, казалось).

В настоящий момент, «теперь», как пишет автор, герою нужно, но «нечем заплатить по вексям», «осталась только мелочь для проезда». И долго ли продлится такой путь? Ответ дан в тексте: «Я знаю – *через год или через сутки* // Смеясь, однажды, высажу себя // На станции Моей Последней Шутки». Не так уж важно, когда именно – конец произойдёт неизбежно. Да, написана им «парочка довольно сносных рифм», эпитет «сносные» означает в данном случае умеренные, посредственные, ни дурные, ни хорошие. Герой будто бы несколько не жалеет об этом. Сомнение в нас рождает лишь повтор и многоточие в конце строки: «Несколько не жалея, не скорбя...» Это многоточие открывает его истинное отношение к своему выбору – глубоко критическое и самоуничижительное. Частица «не» в данном случае семантически отпадает. Он и жалеет, и скорбит. Доказательством этому является и вто-

рое многоточие («И рыться по карманам бесполезно...»). Они появляются в тексте оба раза именно тогда, когда герой в особенности задумывается над своим положением. Об этом свидетельствуют и риторические вопросы с усилением: «Скажите же...», – и восклицания с тире.

Говорит ли всё это о внутреннем спокойствии, которым внешне так похвывается герой? Вовсе нет. Спокойствие – лишь бравада, маска. Эмоции, чувства героя находят своё выражение в деепричастиях: «не жалея», «не скорбя», «смеясь», «не ведая печали», «захмелев». Все эти деепричастия наделены обратной, противоположной своей обычной семантике значениями. «Смеясь» и вовсе отображение смеха безумного, смеха, равного отчаянию.

«И, захмелев, я спрыгну на ходу // На станции Моей Последней Боли», – утверждает герой. Выбранная судьба принесла ему боль, он осознает ложность своего пути и говорит: «Мчись, вагончик мой, неси меня!» – то есть лети жизнь. Такой императив, используемый автором, достигает здесь эффекта почти магического. Вера в будущее возобновляется (благодаря утвердительной конструкции первого лица будущего времени): «Я буду петь, не ведая печали». Он остаётся верен выбранному пути, костюму, хотя и широкому в плечах, не своему, чужому.

И на этом «чужом» пути, что же просит лить сполна герой? «И радость, и беду». А чего просит не жалеть? «Ни сахара, ни соли». Ответы эти выстроены на контрастах-антитезах, на жизненной дихотомии, и герой также дихотомичен, как и его жизнь.

Раздвоено и его представление о том, кто этой самой жизнью управляет: он сам или Бог? Местоимение «сам» вертикалью повторяется в тексте. Но! В «его вагоне», а, значит, и в его жизни – «божеский тариф». Слово «божеский» имеет два значения: справедливый, не обидный и «божий». Важны оба значения. Герой осознаёт и то, что жизнь к нему по-своему справедлива, и то, что идёт она по «божьему тарифу», то есть с божьего разрешения. Не случайно здесь появляется образ «седого кондуктора в ватной телогрейке». Казалось бы, образ максимально приземленный, взятый из реалий жизни, но в данном контексте абсолютно символический – доказательство Пути-судьбы, повелитель которого – Бог. И Бог этот милостив, справедлив, щедр. «Кондуктор» давно бы мог высадить его, но «медяки звенят» (к вопросу о важности мотива звона в творчестве Башлачёва), станции пролетают, и до последней он ещё не доехал. То, что герой «сам» выйдет на этой последней станции – это пустая формальность.

В весёлом, разгульном отчаянии он ждёт станции «Последнего проклятья», «Своей Последней Шутки», «Своей Последней Боли» – эти конструкции повторяются на протяжении текста. При этом слова «Шутка» и «Боль» написаны им с большой буквы, потому что они «Его» (с большой буквы), и потому что они его «Последние» (с большой буквы). А последнее, значит, не только конечное, находящееся в самом конце, но и главное, то единственное, что осталось (второе значение в Толковом словаре Ушакова). А к концу останутся Шутка да Боль – счастье и несчастье.

И герой, судя себя ничуть не предвзято, оценивает жизнь свою как заслуживающую этого «последнего проклятья». Но проклятие это (с маленькой буквы) – итог жизни для героя менее значим, чем процесс, чем «Шутка» и «Боль», которыми он жил. Он умаляет это проклятье до уровня его второго значения: не кары небесной, а обычного ругательства.

Этот текст глубоко символический. Практически каждая лексема утрачивает своё номинативное значение и выходит на уровень обобщения. Это стихотворение – притча. В чём же тогда её идея? Она скрывается в подтексте уже первой строки – выбирай свой жизненный путь «по плечу», меняй дорогу, «прыгай на ходу», если понимаешь, что ошибся, а не жди до «Последней Боли», жертвой которой стал герой.

Не хотелось бы заканчивать анализ на этом... Справедливее процитировать слова Булата Окуджавы о Башлачёве: «Он говорит об окружающем меня знакомом мире знакомыми словами, но расположенными в необычных сочетаниях, отчего конструкция этого мира предстаёт передо мной объёмной. Он открывает мне многослойный смысл явлений и такие глубины, под которыми не пустота, а новый смысл. Тогда, поражённый его зоркостью, я кричу, плачу вместе с ним и вместе с ним ликую, потому что его мир становится как бы моим» [2. С. 6].

* * *

1. Наумов Л.А. Александр Башлачёв: человек поющий. СПб., 2013.
2. Коротич В.А. Окуджава Б. Люблю от того, что болит... // Огонёк. 1988. № 25.

L.I. Donetskikh, F.R. Gazizulina

LINGUOSTYLISTIC INTERPRETATION OF ALEXANDER BASHLACHEV'S POEM "A STRANGER'S SUIT WAS TOO WIDE IN THE SHOULDERS..."

The goal of the article is to consider the key image ("way") of A. Bashlachev's creative work in a particular poem entitled "A stranger's suit was too wide in the shoulders". The theme of the Way of living in the poem is integrally connected with the theme of the Creative work. The concept of the lyrical hero-poet is extremely tragic, but it is not hopeless. All the difficulties of this way from the very beginning till the Last Sigarette, Damnation, Joke, Pain are entirely reflected in the language of the text at the levels of vocabulary, tropes and syntax. The composition of the poem integrally supports its sense and intensifies its emotional value.

Keywords: rock-poetry, Poet, way of living, creative work, symbolism of images, frequently used stylistic devices, compositional validity of the means of language.

Донецких Людмила Ивановна,
доктор филологических наук, профессор
E-mail: russistoria@mail.ru

Газизулина Фарида Руслановна, студентка
E-mail: russistoria@mail.ru

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)

Donetskikh L.I.,
Doctor of Philology, Professor
E-mail: russistoria@mail.ru

Gazizulina F.R., student
E-mail: russistoria@mail.ru

Udmurt State University
Univeritetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034